

УДК 94(520)
ББК 63.3(5Япо)
С21

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат ООО «Издательство АСТ». Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Публикуется с разрешения The Overlook Press, an imprint of Harry N. Abrams, Incorporated, New York и Литературного агентства «Синописис».

First published in the English language in 1995 by The Overlook Press, an imprint of Harry N. Abrams, Incorporated, New York

ORIGINAL ENGLISH TITLE: LEGENDS OF THE SAMURAI

All rights reserved in all countries by Harry N. Abrams, Inc.

Сато, Хироаки

С21 Самураи. Подлинные истории и легенды / Хироаки Сато ; пер. с англ. Р.В. Котенко. – Москва : Издательство АСТ, 2019. 400 с. – (Библиотека военной и исторической литературы).

ISBN 978-5-17-112470-0

В книге Хироаки Сато «Самураи. Подлинные истории и легенды» органично сплетаются в единое целое разные источники: мифы и исторические хроники, произведения самих самураев и художественные произведения, проза и поэзия. Все вместе они создают яркую и многоплановую картину жизни самураев, исполненной великих подвигов и свершений, верности традициям и заветам предков.

К 94(520)
ББК 63.3(5Япо)

ISBN 978-5-17-112470-0

© Hiroaki Sato, 1995

© Котенко Р.В, перевод, 1998

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

Вступление

Самурай в широкополой шляпе идет по пустынному полю. Вдруг из зарослей травы выскакивают десять разбойников с обнаженными мечами. Они окружают его и требуют немедленно отдать им оружие и деньги. Самурай выказывает покорность и начинает снимать *хаори*, верхнее платье. Разбойники теряют бдительность. И тут он вдруг выхватывает свой меч и с молниеносной быстротой справляется с несколькими из них. Оставшиеся в живых убегают, моля о пощаде. Самурай достает кусочек ткани, вытирает меч и кладет его обратно в ножны. Затем, как ни в чем не бывало, он продолжает свой путь.

Знаменитый фехтовальщик наносит визит даймё. Оказавшийся там же *ронин*, самурай, лишившийся господина, уверен в своем мастерстве. Узнав о посетителе, он просит его «преподать» ему несколько уроков. Это означает серьезный поединок. Мастер меча отказывается, но даймё проявляет интерес и уговаривает его. В конце концов, он соглашается на поединок на деревянных мечах. Два воина выходят в сад и становятся лицом друг к другу. Через мгновение они ударяют друг друга мечами.

«Вы довольны?» — спрашивает мастер меча.

«Ничья», — говорит ронин, явно довольный таким результатом поединка с великим фехтовальщиком.

Но мастер спокойно говорит: «Нет, я победил».

Смущенный и разгневанный, ронин просит о реванше. Мастер соглашается, но происходит то же самое: оба ударяют одновременно.

Ронин вновь говорит, что итог поединка — ничья, а фехтовальщик утверждает, что победил именно он.

Ронин выходит из себя. Даймё же, наполовину не веря словам мастера, не отрываясь следит за тем, что будет дальше. Ронин настаивает еще на одной схватке — на этот раз на насто-

ящих, стальных мечех. Фехтовальщик отказывается, но даймё снова уговаривает его. Но как только воины встают лицом друг к другу, поединок заканчивается: ронин падает, его голова расчечена надвое. Фехтовальщик идет к даймё и показывает свое плечо. Лишь верхнее платье слегка разрезано. Нижняя же одежда в целости.

Наверное, читатель именно так представляет себе самурая: безжалостная машина-убийца, владеющая невероятной техникой меча. Впрочем, и в нынешней Японии подобных самурайских историй множество. Мы привели лишь две из них в самом начале с двойной целью.

Во-первых, предназначение данной книги, «Самураи. Подлинные истории и легенды», — показать с различных углов зрения облик японского воина, поэтому она представляет собой не просто собрание историй, повествующих о боевом искусстве самураев. Последние занимают лишь меньшую часть книги и включены, в основном, в первый ее раздел.

Во-вторых, мы пытались отдавать предпочтение не современным пересказам, а тем версиям, которые приближены по времени создания к реальным событиям. Тем не менее трудности остаются. Даже если бы мы совсем не говорили об одном из мифических героев, Ямато Такэру, временной промежуток все-таки остается очень большим. Например, говоря о Ёродзу, будущем «защитнике императора», составители «Нихон сёки» («История Японии») описывали в 720 г. событие 140-летней давности. К тому же в любую эпоху люди склонны превращать человека или его деяния в легенду, либо следуя обычаям повествования, либо будучи не в силах отказаться от желания пофантазировать. Нередко это скрывает то, что происходило на самом деле и что думали о данном событии современники.

Два приведенных выше рассказа, об одном и том же человеке — мастере меча Ягю Дзюбэ Мицүёси (1607—1650), полностью подтверждают нашу точку зрения. Слава Мицүёси как отчаянного рубака способствовала тому, что уже вскоре после его смерти о нем стали ходить будоражащие воображение легенды, в которых вымысла нередко было намного больше, чем правды. Современный

писатель Кайондзи Тёгоро, включив второй эпизод в свой очерк «Хэйхося» («Мастера военного искусства»), приводит весьма интересное замечание. Он говорит, что в период Токугава (1603—1868) воин мог убить человека только в четырех случаях: преступника или опасного человека по приказу своего господина или сёгуна; из мести; во время ссоры; или же если он встречался с грабителем или разбойником, покушавшимся на его жизнь. Хороший фехтовальщик должен был тщательно избегать любых споров, которые могли закончиться схваткой. Среди грабителей и разбойников едва ли встречались искусные воины, поэтому, случись настоящему мастеру столкнуться с ними, он бы одолел их и не убивая. Что касается мести, то этому чувству поддавалось не так уж много великих воинов. Наконец, конкретные приказы убить такого-то отдавались властями лишь в начале периода Токугава. Поэтому, заключает Кайондзи, многие знаменитые фехтовальщики за свою жизнь не убили ни одного человека.

Поклон перед мечом

Мы начали предисловие рассказами о фехтовальщиках, но фехтовальщик и самурай — не синонимичные понятия. Конечно, меч оставался для последнего главным оружием. Однако вплоть до XIV—XV вв., когда в битвах всадников стала сменять пехота и искусство фехтования оказалось особенно востребованным, первым оружием самурая был лук со стрелами. В одном из эпизодов «Хэйкэ моногатари» («Сказание о Хэйкэ»), самом известном японском военном повествовании, окончательно оформившимся в XIV в., рассказывается, как в 1185 г., во время сражения на берегу у Ясима, главнокомандующий Минамото-но Куро Ёсицунэ (1159—1189) уронил в воду свой лук и бился, чтобы вернуть его, хотя воины противника с лодок пытались выбить командующего из седла, а свои воины умоляли забыть об оружии. Когда, наконец, он смог достать свой лук и вернулся на берег, старые ветераны открыто сказали:

«Это было ужасно, господин. Ваш лук может стоить тысячу, десять тысяч золотых, но разве он стоит того, чтобы подвергать риску вашу жизнь?»

Ёсицунэ ответил:

«Дело не в том, что я не хотел расставаться со своим луком. Если бы у меня был лук, подобный луку моего дяди Тамэтомо, который могли натянуть только два, а то и три человека, я, быть может, даже намеренно оставил бы его врагу. Но мой лук плохой. Если бы враги завладели им, они бы смеялись надо мной: “Посмотрите, и это лук полководца Минамото Куро Ёсицунэ!” Я не хотел бы этого. Поэтому я рисковал жизнью, чтобы вернуть его».

В «Хогэн моногатари» («Сказание об эпохе Хогэн»), где описываются военные действия 1156 г., о Тамэтомо (1139—1170), дяде Ёсицунэ, говорится как о лучнике столь сильном, что, после того как его взяли в плен, ему выбили долотом руки из плечевых суставов, чтобы он больше не мог выстрелить из лука. Звание «лучника» (*юмитори*) оставалось почетным титулом для отличившегося самурая еще долго после того, как на смену луку пришел меч. Так, например, военачальника Имагава Ёсимото (1519—1560) называли «Первым лучником Восточного моря».

Самурай: истоки

Слово *самурай* происходит от глагола *сабурау* — «охранять, служить», и первоначально имело значение «личный слуга». Остается неясным, когда смысл его сузился до понятия «вооруженный слуга», в то время — определенный тип воина. Тем не менее этот изначальный смысл слова определил путь самурая и в дальнейшем: даже когда в XII в. *de facto* он стал правителем Японии, *de jure* он подчинялся высшему гражданскому лицу — императору. Высший пост, которого он мог достичь, — *сэй-и тай-сёгун*, «главнокомандующий, подчиняющий варваров», или просто *сёгун*, — на деле означал не более чем помощник императора по военным делам в случае особой необходимости.

Воины в Японии, как и в большинстве стран, существовали с незапамятных времен. Но появление того типа воина, которому суждено будет создать правительство, независимое от императорского двора, приписывается VII—VIII вв., когда были предприняты

попытки создать центральные органы управления и заимствована государственная система танского Китая.

Одно из восьми учрежденных ведомств называлось *Хёбусё*, «Ведомство военных дел». По китайскому же образцу были сформированы и многочисленные местные военные подразделения. Однако, в отличие от Китая, в Японии, значительно меньшей по площади и располагающейся на островах, существовало лишь несколько военных соединений, представлявших потенциальную угрозу центральным властям. В то же время, на каждого, призванного на службу, налагалось тяжелое бремя. Воин не имел права заниматься во время службы какой-либо иной деятельностью. Набор военного снаряжения, утвержденный законом, перечень которого представлял собой огромный список, каждый должен был приобретать и содержать на свои средства. «Один человек взят, один дом разорен», — говорили в те времена.

Со временем количество военных постов и занимавших их воинов сократилось, и свободным от службы людям разрешили вернуться к сельскому хозяйству. На их место были набраны люди из достаточно состоятельных семей, умевшие и править лошадью, и стрелять из лука. Власти выдали каждому провизию и по два пехотинца в сопровождение. От них требовалось лишь неустанно совершенствовать свое мастерство. Хотя впоследствии происходили и другие изменения, именно эти благородные воины считаются непосредственными предшественниками самураев.

К X в. некоторые из этих воинов сформировали почти автономные местные соединения. Кое-кто пользовался дурной славой преступника, как, например, Тайра-но Масакадо (ум. 940), дошедший до того, что объявил себя императором. Другие, такие как Минамото-но Мицунака (913—997), чье обращение в буддизм описывается не без иронии во многих источниках, создали свои сферы влияния и накопили богатства, но при этом не теряли тесных связей с центральными властями и часто служили губернаторами провинций. В любом случае, в целом они были ориентированы на единство страны. Говорят, что Масакадо выступил против императорского двора и создал свой собственный, ибо желал укрепить свое положение

ние в правительстве, но не смог получить желанный пост в императорской гвардии. Он был убит посланниками двора.

Как и можно было ожидать, внутри каждой группы развивались тесные взаимоотношения «господин–слуга». Важнейшим фактором, способствовавшим этому, стала необходимость защиты земель. Особую роль тут сыграли Первая Девятилетняя война (1051—1062) и Вторая Трехлетняя война (1083—1087) за подчинение могущественных северных кланов Муцу и Дэва. Именно во время этих войн клан Минамото (в китайском прочтении: Гэндзи) укрепил свои силы и стал ведущим в восточной области, Канто. Сходными, хотя и менее заметными путями, клан Тайра (в китайском прочтении: Хэйдзи или Хэйкэ) захватил ведущую роль в западной области, Сайгоку или Сайкай. Оба клана происходили от императорского дома.

Восхождение самураев

Как уже отмечалось, статус самураев изменился во второй половине XII в. Это произошло в два этапа.

В 1156 и 1159 гг. в Киото, резиденции правительства, произошли короткие вооруженные столкновения, явившиеся непосредственным результатом борьбы за власть внутри императорского дома. В них участвовали и воины Тайра и Минамото, и члены обоих кланов, запутавшиеся в бесчисленных интригах. В конце концов победу одержал ведомый Киёмори (1118—1181) клан Тайра. Соперничающий клан Минамото был побежден.

Но не военный итог конфликта стал главным. В 1160 г., год спустя после второго столкновения, Киёмори был назначен *санги*, «императорским советником» в Большой Государственный Совет. Воин впервые удостоился такой чести.

Этот факт имел историческое значение: допуск воина в высшие круги власти положил конец статусу самурая как наемника придворных аристократов, или, по оригинальному выражению Карла Фрайдея, «нанятому мечу». Киёмори пошел дальше: в 1167 г. он стал главным министром и сосредоточил в своих руках огромную власть.

Второй этап изменения статуса самурая стал следствием еще одной военной борьбы, вновь между кланами Минамото и Тайра, но на этот раз долгой и в масштабе всей страны. В 1180 г. клан Минамото, возглавляемый Ёритомо (1147—1199), находившимся в ссылке в Камакура, поднял армию против Тайра и нанес ему поражение в 1185 г. Но Ёритомо поступил иначе, чем Киёмори. Если последний собрал в своих руках все нити власти в центре, то первый, напротив, в целом оставался в стороне от императорских дел. Лишь в 1190 г., спустя пять лет после победы, он прибыл в Киото на аудиенцию к императору Готоба (1180—1239) и удалившемуся от дел императору Госиракава (1127—1192). Он был назначен *гондайнагоном*, «действующим главным советником», и *тайсё*, «командующим» Левого крыла стражи Внутреннего дворца. Но уже в следующем месяце он отказался от обоих постов. В 1192 г. он был назначен сёгуном, но два года спустя подал в отставку. Очевидно, что его больше интересовало создание своего собственного правительства.

Созданный им орган управления позднее получил название Камакура Бакуфу (бакуфу — изначально ставка главнокомандующего на войне). Таким образом, вплоть до Реставрации императорской власти в 1868 г., именно это «правительство внутри правительства» представляло собой реальную власть, а двор в Киото оставался лишь «источником почестей и местом свершения государственных церемоний и ритуалов».

Эпоха «Сражающихся царств»

Камакура Бакуфу просуществовало до 1333 г., когда император Годайго (1288—1339), встав на защиту абсолютной императорской власти, временно взял верх. Более чем за сто лет до него, в 1220 г., император Готоба попытался сделать то же самое и поднял против Камакура армию, но его войска были разбиты, а сам он — отправлен в ссылку. Годайго оказался удачливее. Поначалу, как только он захотел вернуть себе власть, его также арестовали и отправили в ссылку, но он смог вернуться, уничтожить правительство Камакура и стать подлинно «Наивысшим». Но плохое управление — а особенно награждение придворной знати, а не воинов — практически сразу же

вызвало недовольство. Вскоре поднял восстание Асикага Такаудзи (1305—1358), прежде предавший Камакура и примкнувший к дому Годайго. В нескольких сражениях он нанес поражение полководцам Годайго, в том числе и самому способному и преданному, Кусуноки Масасигэ (1294—1336). Он сам назначил императора и заставил Годайго отдать символы императорской власти, «три божественных сокровища»: зеркало, меч и драгоценный камень. В 1338 г. он провозгласил себя сёгуном.

Созданный Такаудзи сёгунат располагался в Киото и просуществовал пятнадцать поколений, вплоть до Ёсиаки (1537—1597). Однако на протяжении всего времени его сотрясали раздоры и восстания. Причин тому можно выдвинуть три.

Во-первых, Годайго, которого во второй раз не отправили в ссылку, а позволили ему сбежать, собрал собственный двор в Ёсино, в сегодняшней Нара. Этот «южный» двор, сосуществовавший параллельно с «северным» в Киото до 1392 г., сеял смуту внутри и вне сёгуната Асикага и до, и после своего исчезновения. Во-вторых, размещение в Камакура наместника сёгуна в восточной области, называвшейся *Канто кубо*, создавало сходные проблемы: сеяло подозрения и способствовало соперничеству. Наконец, сама организация центральной власти лишь подчеркивала личную безответственность и групповое принятие решений. Подобная система могла бы работать, обладая лидер непоколебимым авторитетом или прочной экономической базой. У сёгунов Асикага зачастую не было ни того, ни другого.

Когда восьмой сёгун Ёсимаса (1435—1490) разошелся со своей женой Хино Томико (1440—1496) по вопросу о выборе наследника, несколько кланов, назначенных исполнять функции наместников сёгуна, восстали. Так началась десятилетняя гражданская война (1467—1477). В войне на стороне и той, и другой группировки участвовали многие наместники провинций и представители влиятельных местных сил, но это было лишь первое очевидное крушение сёгуната Асикага. Укрепив и без того проявлявшуюся местную претенциозность и независимость, эта война привела к еще большему хаосу — японскому *сэнгоку дзидай*, периоду «Сражаю-

щихся царств», когда обладавшие средствами или способностями люди открыто боролись за власть и расширение своих земель.

Более ста лет борьба за местную гегемонию сотрясала Японию. Она сопровождалась невиданной жестокостью. Тем не менее страна была открытой, и в эту эпоху возникали некоторые новшества. Асакура Такакагэ (также Тосикагэ, 1426—1482), мелкий землевладелец-самурай, ставший наместником удела и потому считающийся одним из предвестников периода «Сражающихся царств», составил «домашний кодекс». Вот некоторые статьи этого кодекса:

В семье Асакура не будет должности младшего управляющего. Выбирай людей по способностям и преданности.

Не назначай бездарного человека командующим или посланником только потому, что этот пост передается из поколения в поколение.

Не стремись обязательно обладать мечом, выкованным знаменитым кузнецом. Ибо даже человек с мечом стоимостью в десять тысяч монет не сможет победить сто человек с копьями по сто монет каждое.

Будь добр с храбрым человеком, даже если он уродлив. Также даже робкого можно взять в слуги, если он красив собой.

Если можешь выиграть битву или взять замок, не стоит упускать возможность выбрать благоприятный день или верное направление. Однако, как бы ни был благоприятен день, едва ли благоразумно выходить на корабле в ураган или бросаться с несколькими воинами на превосходящего врага.

В нашей книге также приводятся похожие, но более «прозаичные» «домашние уроки» Ходзэ Соуна (1432—1519). В отличие от Такакагэ, Соун был ронином, который тем не менее смог стать блестящим военачальником.

Самураи при Токугава

Хаос в конце концов заканчивается единением. Хотя в середине XVI в. было около ста пятидесяти влиятельных местных военачальников, многие желали стать во главе их всех. Ода Нобунага (1534—1582) первым серьезно взялся за выполнение этой задачи и достиг заметного успеха.

Когда он был убит, не завершив своего дела до конца, Тоётоми Хидэёси (1536—1598), один из его полководцев, взял бразды правления в свои руки и завершил начатое. Токугава Иэясу (1542—1616), один из пяти уполномоченных Хидэёси после его смерти, воспользовался плодами трудов предшественников, назначив себя сёгуном и основав бакуфу в Эдо, современном Токио, в 1603 г.

Основанный Иэясу сёгунат просуществовал четверть тысячелетия и стал самым долгим из трех военных правительств. Система рухнула, когда обострились внутренние экономические противоречия, и изоляционистская политика, избранная в начале XVII в., уже не могла сопротивляться иностранному проникновению. Тем не менее эпоха отличалась отсутствием военного соперничества. Укрепить мир помогли две административные меры: взятие в больших масштабах заложников и кодификация иерархии и поведения.

Система «взятия в заложники», называвшаяся *санкин котай*, предписывала даймё — землевладельцам с годовым доходом в 10000 коку (или 50000 бушелей риса) и более, а также вассалам Токугава в ранге хатамото, «адъютантов», проводить каждый второй год или половину каждого года в Эдо под прямым надзором властей. Асано Наганори (1667—1701) как раз исполнял свою обязанность пребывания в Эдо, когда совершил поступок, коему суждено было развязать самую знаменитую вендетту в истории Японии. (Можно добавить, напоминая о статусе императорского двора в то время, что инцидент произошел, когда Наганори являлся членом комитета по приему ежегодного церемониального посольства из Киото.)

Разделение всего населения на четыре сословия: самураи, крестьяне, ремесленники и торговцы, и тщательное ранжирование в самом самурайском сословии, сделанное наследным, не всегда насаждалось так уж жестко, как это обычно считается. Торговцы, находившиеся на нижней ступени социальной лестницы, в экономической жизни несколько не зависели от самураев. Внутри самурайского сословия также существовала достаточная степень свободы, что подтверждает пример Араи Хакусэки (1657—1725): будучи родом из самурайской семьи, служившей мелкому местному землевладельцу, он поднялся до высокого поста советника сёгуна.

И все же сословная градация и система наследного ранжирования сковывали социальную мобильность, хотя в равной степени и препятствовали возникновению беспорядков.

Военные действия не велись, гражданская бюрократия крепла, поэтому мирная жизнь заставляла самураев искать оправдание необходимости существования воинского сословия. Ученый-конфуцианец Накаэ Тодзю (1608—1648) был одним из первых, кто попытался дать этому философское обоснование. В своем сочинении «Окина мондо» («Беседы со стариком») два воображаемых человека вступают в сократический диалог:

Кто-то спросил: «Часто говорят, что ученость и военное искусство подобны двум колесам повозки, двум крыльям птицы. Означает ли это, что “ученость” и “ратное дело” различны? Как вы тогда определите “ученость” и “ратное дело”?»

Учитель ответил: «Невежды не понимают “учености” и “ратного дела”. Под “ученостью” они подразумевают умение хорошо составлять стихи на японском и писать строфы на китайском, и быть мягким и утонченным, а под “ратным делом” они подразумевают умение стрелять из лука и править лошадью, знать военное искусство и стратегию и быть грубым и необузданным. Кажется, что это так и есть, но они глубоко заблуждаются.

По своей природе “ученость” и “ратное дело” — одна добродетель, и они неотделимы друг от друга. Как в создании Неба и Земли участвуют силы инь и ян, так и в человеческой природе, являющей собой одну добродетель, присутствуют “ученое” и “военное” начала. Точно так же, как инь коренится в ян, а ян коренится в инь, искусство “учености” коренится в “военном” искусстве, а “военное” — в “ученом”.

Хорошо управлять народом и должным образом следовать пяти постоянствам¹, беря Небо как основу ткани, а Землю — как уток, — это дело “учености”. Если же появляется тот, кто не боится небесного дао и совершает зло, жестокие и безнрав-

¹ Пять постоянств — любовь между отцом и сыном, справедливость между правителем и подданным, уважение между мужем и женой, должное поведение между старшими и младшими и верность между друзьями.